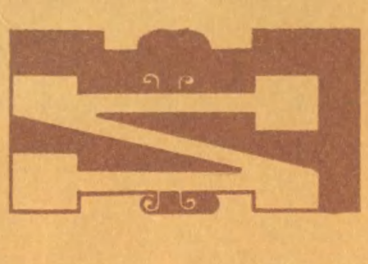
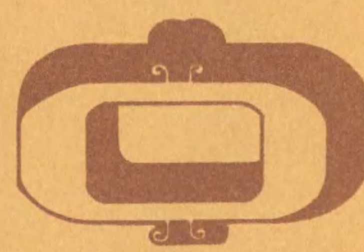
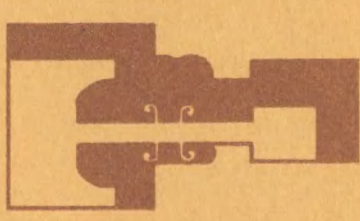

родословная семьи Ульяновых

по страницам вестника „Истоки“

г. Ульяновск
1991 г.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

Составитель и редактор
Л.Берч
Научный консультант
Е.Томуль
Художник В.Маркин

В брошюру вошли материалы по родословной семьи Ульяновых, опубликованные в выпусках газетного вестника Ульяновского филиала Центрального музея В.И. Ленина "Истоки". Они предназначены широкому кругу читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Удивительные сегодня происходят вещи. Вокруг личности В.И.Ленина, нашей истории кипят страсти. История все больше превращается в мощное орудие политической борьбы.

Немало "перестроившихся" историков, публицистов стремятся создать впечатление о Ленине как утописте, как главном виновнике всех наших бед. Одни призывают вернуться к Февралю, другие - прямо к Столыпину или государю-императору. Некоторые пытаются подводить под это "теоретическую" базу, используют любую версию или фальшивку из белогвардейских архивов - лишь бы она могла дискредитировать ленинизм. Третьи довольствуются просто измышлениями и оскорблениями, осквернением памятников.

Выход не в запретах. Необходимо возвращение к живому, подлинному Ленину. Мы должны знать всю совокупность фактов его жизни без приукрашиваний или оговорок. Могли ли мы ее знать, если в 30-е годы в спецхраны попало свыше 600 произведений, воспоминаний о В.И.Ленине! Неугодными стали даже материалы Н.К.Крупской. В 1928 году было приостановлено издание альбомов с фотографиями В.И.Ленина. Через 30 лет они начали издаваться, но многие из них оказались с "ретушью".

Такие подходы оказались применимы и к симбирскому периоду жизни В.И.Ульянова-Ленина. Была сфальсифицирована, к примеру, характеристика, выданная Ульянову по окончании гимназии. Из музеев исчезли фотографии родственников, чтобы не появлялось лишних вопросов у посетителей. Эта тема на многие годы оказалась закрытой...

Одним из главных источников антиленинских настроений стали, думается, нынешние трудности перестройки. Ведь во многом ее судьба - это и судьба В.И.Ленина. Вместе с тем, на мой взгляд, прав и известный драматург М.Шатров, подчеркнувший, что "даже если перестройка захлебнется, то это не Ленин виноват, а мы оказались такими бездарными политиками".

Ленинская теория стараниями идеологов нескольких поколений была превращена в священное писание, набор мертвых цитат, которые использовались для доказательства самых нелепых положений. Каждая строка ленинских произведений рассматривалась как истина в последней инстанции. Даже труды главного "героя" застоя Л.Брежнева были изданы под заглавием "Ленинским курсом". Редактура личности В.И.Ленина, его наследия со сталинских времен практически сохранена до нашего времени.

Нельзя не видеть и упрощенства в подходах к образу В.И.Ленина. Его портреты, бюсты нередко становились ширпотребом для интерьера. Их и сегодня еще можно увидеть в самых неожиданных местах, нередко оскорбляющих память этого человека. Явно не оправдало себя и неумеренное присвоение имени Ленина. Это использовалось как средство стимулирования интенсивной хозяйственной деятельности отдельных предприятий, учреждений и учебных заведений.

Но глубоко ошибаются те, кто утверждает, что учиться у Ленина нечему, что все его дела ушли в прошлое. Нигилизм бесплоден, как и догматические попытки оценивать всю многосложность жизни через призму цитат великого революционера. За сталинскую модель социализма ни Ленин, ни Маркс ответственности не несут.

Задача защиты В.И.Ленина от наветов может быть решена с позиции полной правды. Мы надеемся, что наш вестник будет, уважаемый читатель, Вашим собеседником и помощником на этом пути. Только подлинная правда, в том числе о В.И.Ленине, сделает воспитание историей не конъюнктурным, но подлинным.

В.ПЕРФИЛОВ,
директор Ульяновского
филиала Центрального
музея В.И.Ленина,
кандидат исторических наук.

Семья Ульяновых. 1879 г.

Родители: Мария Александровна и Илья Николаевич.

Дети: стоят (слева направо) - Ольга, Александр, Анна; сидят - Мария (на коленях у матери), Дмитрий, Владимир.

Предполагается, что этот единственный групповой портрет сделан симбирским фотографом Б.Биком.

ЗА СТРОКОЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

М.А.Ульянова дала своим детям не только жизнь и здоровье, но и знания, опыт, организаторский дар, научила их быть трудолюбивыми, душевно щедрыми, целеустремленными.

Невольно пытаешься понять и первоистоки этих качеств у самой Марии Александровны. А потому вновь и вновь возвращаешься к ее родословной.

Еще в конце 20-х - начале 30-х годов сотрудники первого ленинского музея В.И.Ленина в Ульяновске обращались к Анне Ильиничне, Дмитрию Ильичу, Марии Ильиничне Ульяновым с вопросами о родителях их матери.

Из ответов Анны Ильиничны известно, что Александр Дмитриевич Бланк был очень умный и способный человек. Доктор медицины - хирург и гинеколог. Дважды бывал за границей, где специализировался по медицине. Имел научный труд "Чем живешь, тем лечись", где обосновал преимущества естественных методов лечения. Мещанин по происхождению, русский.

Дмитрий Ильич рассказал, что его дед был последователем видных немецких профессоров, применявших водолечение при многих заболеваниях. Это нашло признание современников - известность А.Д.Бланка выходила за пределы тех местностей, где он жил и работал. "Он был очень образцовым врачом и пионером в области физиотерапии, в частности, бальнеологии", - писал Д.И.Ульянов.

И младшая дочь Ульяновых посвятила деду самые теплые строки своих воспоминаний. "Это был человек передовой, идейный, сильный и самостоятельный, чуждый всякого карьеризма и прислужничества, - писала Мария Ильинична. - Черты эти влияли на его отношения с начальством, на сработанность с ним, и Александр Дмитриевич переменил за время своей службы и деятельности немало мест".

От матери ей было известно, что дед любил читать, был прекрасным шахматистом, веселым собеседником, большим шутником.

От Марии Ильиничны мы узнали и об особенностях воспитания детей в семье Бланков, где не было места барству и изнеженности. Дети чувствовали не только любовь, но и строгость и требовательность со стороны отца и тетки. Их рано приучали к труду и самообслуживанию, дали так пригодившуюся в жизни физическую и нравственную закалку.

А.Д.Бланк родился в 1799 году. М.Шагинян писала, что он был родом из местечка Старо- Константиново Волынской губернии. Окончив в Житомире поветовое училище, он приехал с братом в Петербург.

К сожалению, до сегодняшнего дня исследователи не располагают

документально подтвержденными сведениями о родителях А.Д.Бланка. Это и рождает версии о его национальности и социальном происхождении.

Из воспоминаний старшей дочери Бланков - Анны Александровны (по мужу Веретенниковой) известно, что ее отец происходил из семьи малороссов.

Много лет над семейной хроникой Бланков работали Татьяна Павловна Басова-Жакова и Ксения Александровна Ардашева - Желигировская. Обе они - внучки Любови Александровны Ардашевой, второй дочери Бланков.

Характеризуя прадеда со слов своей матери, Т.П.Басова-Жакова писала, что А.Д.Бланк рано осиротел. Потеряв родителей, воспитывался в простой семье. Неизвестно, как он попал в Петербург и познакомился с семейством Грошопф, но в последующем эти люди помогли ему сдать экзамены на аттестат зрелости и поступить в медико-хирургическую академию.

Общение с этой семьей определило и личную жизнь Александра Дмитриевича. Он женился на Анне Грошопф, в 1830 году у них родился сын Дмитрий. В последующие шесть лет семья пополнилась пятью девочками - Анной, Любовью, Екатериной, Марией и Софьей. Все дети родились в Петербурге.

Навряд ли кто-то мог предположить, что в 1838 году в эту большую и счастливую семью придет горе. От туберкулеза легких скончалась Анна Ивановна Бланк. Случившееся многое изменило в жизни семьи, покинувшей Петербург.

Помощницей А.Д.Бланка в заботах о детях стала свояченица Екатерина Ивановна Эссен, тоже овдовевшая к этому времени.

Еще один штрих к родословной А.Д.Бланка содержится в воспоминаниях М.И.Ульяновой. Она писала, что Александр Дмитриевич происходил из мещан, после окончания медико-хирургической академии был переведен из податного сословия в купеческое звание, а к концу службы получил потомственного дворянина.

Данные подтверждаются документальным свидетельством - формулярным списком А.Д.Бланка за 1847 год. Через него детально прослеживается вся его служба от лекаря до медика-хирурга; названы места ее прохождения - Смоленская губерния, Петербург, Пермь, Златоуст.

Отражено и продвижение в чинах. В 1838 году А.Д.Бланк произведен в чин коллежского асессора, что и давало потомственное дворянство. В 1846 году он стал надворным советником. В этом чине и звании медика-хирурга Златоустовской оружейной фабрики в 1847 году Александр Дмитриевич вышел в отставку.

Еще одна строка этого документа свидетельствует о его православном вероисповедании.

Известно, что, уволившись со службы, Бланк купил в 40 верстах от Казани имение. Уже в ноябре он 1847 года и все его дети были внесены в третий том дворянской родословной книги Казанской губернии.

О последовавшем почти шестнадцатилетнем периоде жизни деда Мария Ильинична Ульянова писала так: "Купив небольшое имение в деревне Кокушкино, Александр Дмитриевич занялся сельским хозяйством, оказывая в то же время медицинскую помощь окрестному крестьянству".

Имение было куплено частично на деньги свояченицы Е.И.Эссен, другая часть средств была получена от заклада его в Дворянском земельном банке. Ссуда была дана на 50 лет. Но и в 1898 году, когда вла-

Отец М.А.Ульяновой - А.Д.Бланк (дата снимка неизвестна).

дение было продано, ссуда так и не была полностью погашена.

Нужны были средства на содержание семьи, учебу детей. Недостаток доходов сказался и здесь. Младшим дочерям Александр Дмитриевич смог дать только домашнее образование, так как денег для приглашения учителей в деревню у него не было.

В имении отца состоялись свадьбы всех дочерей. В Кокушкино летом 1863 года Мария Александровна стала женой Ильи Николаевича Ульянова. Судя по воспоминаниям, уехав из отцовского дома, она приезжала сюда ежегодно со всей семьей.

Последняя встреча дочери и отца состоялась в Кокушкино летом 1870 года. О ней мы знаем из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой: "Помню, как первым летом после рождения Володи, оказавшимся последним для дедушки, он поднялся к нам в мезонин и мать показывала ему нового внука. Очень ярко запечатлелось в памяти, как дед стоит на верхних ступеньках лестницы, а мать с довольной улыбкой повертывает перед ним на руках малыша. Это чуть ли не единственный случай, когда я помню ясно дедушку, умершего в июле этого года".

17 июля А.Д.Бланка не стало. К этому времени уже не было в живых Е.И.Эссен. Она скончалась в 1863 году, через две недели после свадьбы Марии Александровны. Будучи лютеранкой, незадолго до смерти она приняла православие.

"Еще своеобразнее была родня Бланков по материнской линии с ее традициями больших оригинальных характеров и тонкой петербургской культуры", - писала М.Шагинян о представителях семейства Грошопф - тех, кто дал жизнь матери Марии Александровны, окружал ее в детстве и юности, оказал влияние на формирование характера, взглядов, вкусов.

Всего три года жизни Марии Александровны прошли рядом с матерью. Поэтому в воспоминаниях детей Ульяновых об Анне Ивановне (Иоганновне) содержится всего несколько строк. Анна Ильинична писала, что бабушка была родом из состоятельной семьи Грошопф, немка.

Из исследований, проведенных шведскими и немецкими архивистами следует, что Иоганн Готтлиб Грошопф, дед М.А.Ульяновой, родился в 1766 году, в немецкой семье, жившей в Любеке. Его родители - хлебный маклер Кристофер Фридрих Грошопф и Кристина Маргарита урожденная Эдлер. В семье было семеро детей. Из пяти оставшихся в живых, трое переехали на жительство в Россию. Среди них и Иоганн Готтлиб, который еще в юношеском возрасте возглавил в Петербурге фирму "Фридрих Шаде и Сын".

В вопросе о месте службы И.Грошопф в период его жизни в Петербурге у исседователей нет пока единой точки зрения. В октябре 1990 года в газете "Литератор" (орган ленинградских писателей) появилась публикация М.Штейна "Генеалогия рода Ульяновых". Ссылаясь на документы ЦГИА СССР автор пишет, что И.Грошопф служил в Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел". Начав службу в должности публичного нотариуса, дошел до консулента.

В 1793 году Иоганн Готтлиб женился на шведке Беате Остедт, дочери золотых дел мастера, купца, а впоследствии - учителя по гравировальному искусству Петербургской Академии Искусств.

Как свидетельствуют документы, поселились они в собственном доме

Тетка М.А.Ульяновой по матери - Е.И.Эссен (дата снимка неизвестна).

на Васильевском острове, где жили семьи других зажиточных немцев.

Судя по воспоминаниям А.А.Веретенниковой, в семье Грошопф было семеро детей, среди них и дочь Анна. И.Грошопф не дожил до ее свадьбы с Александром Дмитриевичем Бланком. Поэтому А.А.Веретенникова не знала деда при жизни, а вот бабушку старшая дочь Бланков описала так: "Она была хороша собой, и в 60 лет сохранила следы молодости, наружностью и туалетом занималась до конца дней".

После кончины мужа она жила с сыном Карлом Фридрихом, унаследовавшим владение на Васильевском острове. Он дослужился до чина тайного советника, был директором департамента внешней торговли. В семье Бланков о нем осталась добрая память. Помнилось и то, что он был страстным музыкантом, скрипачом.

В названных источниках есть краткие сведения и о других детях Грошопф. Их старший сын связал жизнь с военной службой. Густав Адольф был старшим таможенным надзирателем в Риге, имел чин статского советника.

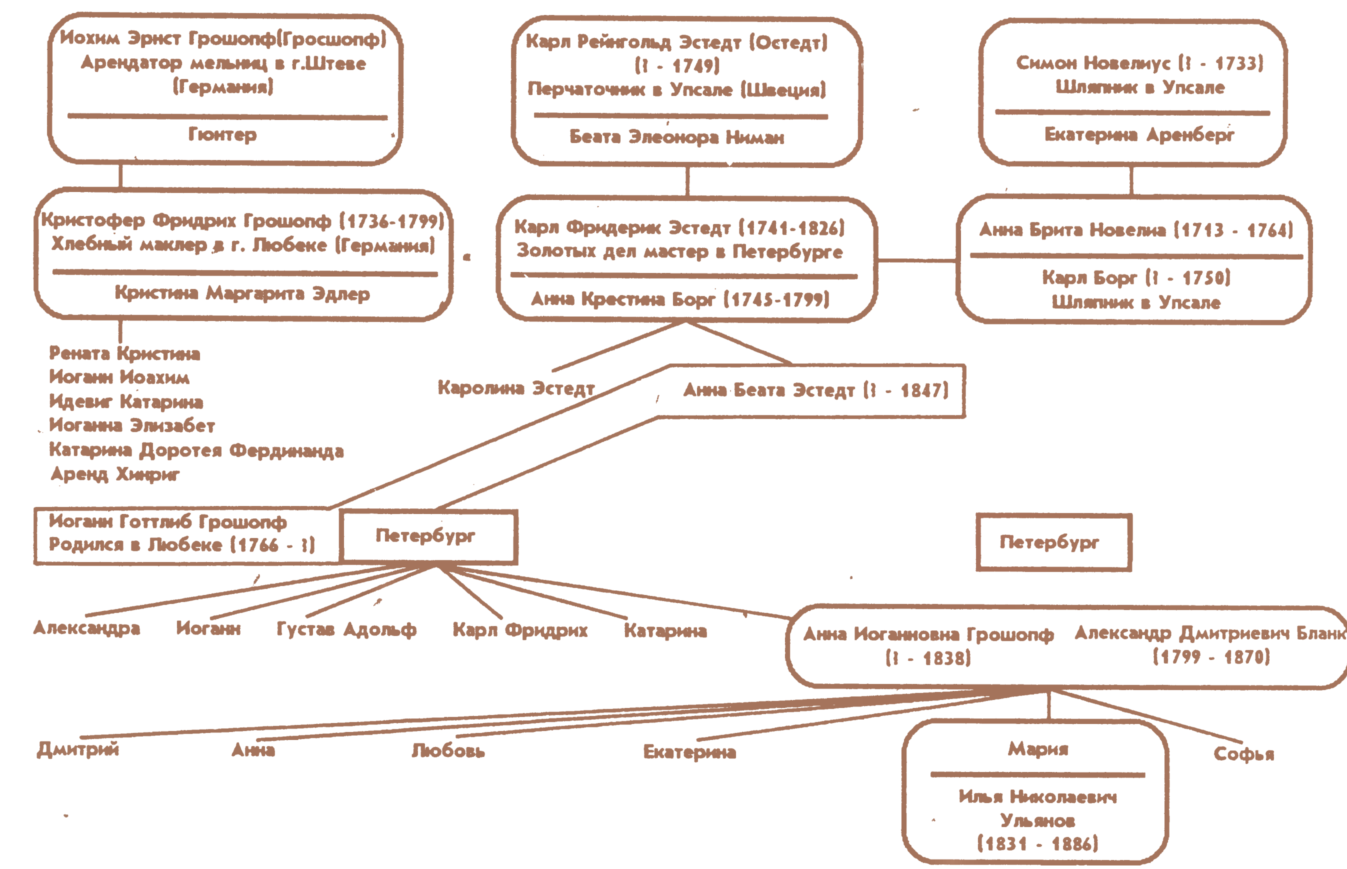
Дочери вышли замуж и разъехались из отчего дома. Екатерина, став женой титулярного советника Константина Егоровича фон Эссена, жила в Казани. Овдовев, связала судьбу с семейством Бланков. Старшая дочь Александра вышла замуж за аптекаря и жила в Киеве.

Анну супружеские узы связали с врачом Александром Дмитриевичем Бланком. Ей суждено было стать матерью шестерых детей, в том числе и Марии Александровны Ульяновой. Но вырастить и воспитать их она не успела.

В известной мере это осуществила ее сестра, внося в быт Бланков традиции семьи Грошопф, имевшей многовековую историю. Ведь первое упоминание о Гроштопфах встречается в архиве Ратцебургского собора еще в 1362 году. Есть документы о предках М.А.Ульяновой в архивах Любека, Мекленбурга. Из них следует, что изначально фамилия Грошопф была одной из наиболее старых среди владельцев и арендаторов мельниц. В последующие столетия в семье появятся церковные и светские служащие, купцы, деятели культуры.

Вот такими немногочисленными, очень немногословными, а порой и противоречивыми документальными свидетельствами располагают исследователи данной темы сегодня. Изучая их, мы получаем, конечно, лишь штрихи к родословной Ульяновых. Поэтому и остаются пока некоторые вопросы без ответов. Для того, чтобы мы их получили, нужны самые заинтересованные совместные усилия советских, шведских и немецких архивистов.

Е.ТОМУЛЬ,
старший научный сотрудник
Ульяновского филиала
Центрального
музея В.И.Ленина.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ (По линии М.А.Ульяновой)
Иохим Эрнст Грошопф(Гросшопф)
Арендатор мельниц в г.Штеве
(Германия)
Гюнтер
Карл Рейнгольд Эстедт (Остедт)
(? - 1749)
Перчаточник в Упсале (Швеция)
Беата Элеонора Ниман
Симон Новелиус (? - 1733)
Шляпник в Упсале
Екатерина Аренберг
Кристофер Фридрих Грошопф (1736-1799)
Хлебный маклер в г. Любеке (Германия)
Кристина Маргарита Эдлер
Карл Фридерик Эстедт (1741-1826)
Золотых дел мастер в Петербурге
Анна Крестина Борг (1745-1799)
Анна Брита Новелиа (1713 - 1764)
Карл Борг (? - 1750)
Шляпник в Упсале
Рената Кристина
Иоганн Иоахим
Идевиг Катарина
Иоганна Элизабет
Катарина Доротея Фердинанда
Аренд Хинриг
Каролина Эстедт
Анна Беата Эстедт (? - 1847)
Иоганн Готтлиб Грошопф
Родился в Любеке (1766 - ?)
Петербург
Петербург
Александра
Иоганн
Густав Адольф
Карл Фридрих
Катарина
Анна Иоганновна Грошопф
(? - 1838)
Александр Дмитриевич Бланк
(1799 - 1870)
Дмитрий
Анна
Любовь
Екатерина
Мария
Илья Николаевич
Ульянов
(1831 - 1886)
Софья

СЕСТРЫ

В основу предлагаемой публикации старшего научного сотрудника музея-читальни И.Н.Ульянова А.Ф.Головиной положены малоизвестные архивные материалы, рассказывающие о старшей сестре Марии Александровны Ульяновой - А.А.Веретенниковой, ее семье, о той атмосфере, в которой жили сестры.

До наших дней сохранилась редкая старинная фотография, на которой запечатлена Мария Александровна в кругу семьи ее старшей сестры Анны Александровны Веретенниковой. Снимок сделан в Пензе в 1863 году. Мария Александровна часто и подолгу гостила в этой семье. С детства не привыкшая сидеть без дела, она и здесь находила себе занятия. Помогала сестре по хозяйству, занималась с ее детьми. Старшая дочь Веретенниковых, Любовь Ивановна, впоследствии рассказывала Марии Ильиничне Ульяновой, что, живя у них, Мария Александровна готовила ее в гимназию, занималась языками, читая с ней по-французски и по-немецки.

По вечерам в квартире Веретенниковых собирались молодые учителя дворянского института и гимназии, чтобы вместе прочитать и обсудить новые журналы, где печатались в ту пору произведения революционеров-демократов, поэтов-искровцев. Часто такие встречи превращались в импровизированные музыкальные вечера. Душой этих вечеров была хозяйка дома А.А.Веретенникова. Большой знаток литературы и поэзии, она и сама писала стихи, была в курсе всего, чем жили передовые люди того времени. А центром внимания была ее сестра Мария Александровна. Младший сын Веретенниковых Николай Иванович писал впоследствии о том, что Мария Александровна "прекрасно пела и играла на фортепьяно, и по рассказам моей матери, когда еще девушкой гостила у моих родителей, то привлекала всеобщее внимание и восхищала своим пением и приветливостью".

Частым гостем этой семьи был друг и сослуживец И.Д. Веретенникова - Илья Николаевич Ульянов, преподававший в дворянском институте математику и физику. В семье Веретенниковых Илья Николаевич и познакомился с Марией Александровной. После этого они стали часто встречаться. Мария Александровна помогала Илье Николаевичу в изучении английского языка, необходимого ему в научной работе, а И.Н.Ульянов, зная, что Мария Александровна готовится к сдаче экзаменов на звание учительницы, занимался с ней предметами гимназического курса.

Весной 1863 года в Пензе Илья Николаевич и Мария Александровна были помолвлены, а в августе в Богородицкой церкви с.Черемышева, что близ Кокушкина, они обвенчались. Этому событию А.А.Веретенникова посвятила стихотворение, в котором есть такие слова:

И чтоб нигде не изменили
вы
Признанью чувств,
богатых верой
В добро и правду на земле.

Сестры Анна и Мария были очень дружны. Анна Александровна была на редкость впечатлительной и отзывчивой.

Николай Иванович Веретенников писал, что его мать "должно отнести к кругу лиц, стоящих на уровне передовых женщин того времени. Благодаря редкой любознательности и любви к чтению она может быть названа образованной женщиной своего века". Анна Александровна отлично владела немецким, английским, французским языками, читала классиков в подлинниках, прекрасно знала русскую литературу, следила за всеми литературными новинками и "вновь поступающими талан-

Семья Веретенниковых. Пенза. 1863 г.

Сыновья - Дмитрий (слева), Александр, старшая дочь Любовь и младшая четырехлетняя Екатерина (на коленях матери).
В центре - глава семьи - Н.Д.Веретенников, справа - М.А.Бланк, слева - А.А.Веретенникова.

тами". Н.И.Веретенников отмечал далее, что она "высоко ставила Короленко, Гаршина, Чехова и позднее Горького". Анна Александровна обладала феноменальной памятью. При поездках на лошадях из Казани в Кокушкино, по словам сына, она всю дорогу в течение 4-5 часов декламировала стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Однако при блестящих способностях на долю Веретенниковой выпала чрезвычайно тяжелая жизнь. В 1870 году в Саратове умер ее муж Иван Дмитриевич в чине статского советника, и она осталась одна с восемью детьми на руках и мизерной пенсией в 36 рублей. По словам сослуживца И.Н.Ульянова и И.Д.Веретенникова А.В.Тимофеева, Анна Александровна могла получать пенсию в 2-3 раза большую, если бы дала своему мужу перед смертью подписать прошение об оставке. По законам того времени вдовы лиц, вышедших в отставку, получали пенсию большую, чем вдовы лиц, умерших на службе. Но она не решилась отравить последние минуты жизни мужа и в дальнейшем постоянно боролась с нуждой. Выучившись стенографии от своей дочери-врача Анны Ивановны, она стенографировала судебные процессы для столичных газет. После смерти отца Анна Александровна получила одну пятую часть имения Кокушкино. Но это небольшое наследство и случайные скудные заработки были недостаточными для ее многодетной семьи.

Старший сын А.А.Веретенниковой - Дмитрий, юноша с блестящими способностями, надежда и ожидаемая опора семьи, трагически погиб, попав под поезд сразу после окончания Института путей сообщения.

В архивах сохранилось более двадцати стихотворений А.А.Веретенниковой. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на жизненные невзгоды и тяжелые испытания, обрушившиеся на ее плечи, она не переставала интересоваться общественной жизнью. По словам сына, она "не могла оставаться равнодушной к гнетущему режиму того времени". Все это выливалось в ее стихах. Вот отрывок одного из них:

В новом годе, что
настанет,
Как и в старом,
что пройдет!
Слезы течь не перестанут,
Солнце правды не взойдет!
Все, как было остается,
Той же грубой силы гнет.
Так же плохо всем
живется...

Отпечаток тяжелых настроений носят стихотворения "Невеселая картина", "Весточка от сына" и другие. Некоторые свои стихотворения Анна Александровна уничтожила и не без основания, так как в 1887 году в ее квартире в Профессорском переулке в Казани производился обыск.

Сестер А. А. Веретенникову и М.А.Ульянову, с детства самых близких, еще более сблизили несчастья.

Весной 1887 года семья Веретенникова была потрясена арестом и казнью Александра Ильича Ульянова. Анна Александровна с первым пароходом поспешила в Симбирск к детям своей сестры, оставшимся без присмотра после отъезда Марии Александровны в Петербург.

Позднее, осенью 1887 года, когда Мария Александровна переезжала в Казань и не имела постоянного адреса, Анну Александровну вызывали в полицию для передачи через нее Марии Александровне портрета казненного сына - Александра Ильича.

В те трудные для Ульяновых дни А.А.Веретенникова вместе с Л.А.Ардашевой-Пономаревой дала поручительство за племянницу Анну Ильиничну, которой после казни брата Александра грозила ссылка в Сибирь. Это позволило А.И.Ульяновой жить в Кокушкине, хотя и под гласным надзором полиции.

Не только сестры, но и их семьи были близки по духу и находились в постоянном дружеском общении.

Каждое лето семьи Ульяновых и Веретенниковых бывали в Кокушкино.

В Кокушкино приезжали няни Ульяновых и Веретенниковых - сестры Варвара Григорьевна Сарбатова и Елена Григорьевна Обухова. Родом они были из села Ломовки Мокшанского уезда Пензенской губернии.

А.А.Веретенникова оставила трогательные воспоминания о няне своих детей Елене Григорьевне, которая, прожив в этой семье двадцать лет, сделалась близким ей человеком. "Право, - пишет она, - ей бы позавидовал любой педагог, хотя, конечно, ни о какой педагогике, ни о какой системе воспитания она понятия не имела, а черпала бессознательно в своем здравом прирожденном уме, в своей любящей душе".

Н.И.Веретенников писал, что Мария Александровна Ульянова хорошо знала их няню еще в Пензе, когда жила в семье ее родителей до своего замужества, и очень тепло к ней относилась. "Высоко оценив качества этой скромной старушки, она просила мою маму подыскать и ей такую же няню. Мать подыскала таковую в лице Варвары Григорьевны".

Варвара Григорьевна Сарбатова появилась в семье Ульяновых весной 1870 года, незадолго до рождения Владимира Ильича. Вынянчив Володю, затем Ольгу, Дмитрия и Марию, она стала близким для них человеком. В.Г.Сарбатова жила в семье Ульяновых двадцать лет.

Для нас небезынтересна и судьба детей сестры М.А.Ульяновой. Старшая дочь А.А.Веретенниковой - Любовь Ивановна сдала в Саратове экзамены на звание учительницы. В 1870 году она обращалась к И.Н.Ульянову с просьбой об определении ее народной учительницей в одну из сельских школ Симбирской губернии. Впоследствии работала на телеграфе. Последние годы жила у А.И.Ульяновой-Елизаровой.

Учительницей в Казани и Вятской губернии работала другая дочь Анны Александровны - Мария Ивановна. Последние годы жизни М.И.Веретенникова работала в библиотеке имени В.И.Ленина.

Екатерина Ивановна Веретенникова (по мужу Песковская) окончила в Петербурге Бестужевские курсы и получила звание учительницы. Преподавала в двухклассном женском училище в Симбирске (у нее училась Ольга Ульянова), а впоследствии - в одной из петербургских гимназий. Ее муж М.Л.Песковский - либеральный писатель, публицист, ходатайствовал в 1887 году о свидании М.А.Ульяновой с сыном Александром, находившимся в Петропавловской крепости; пытался облегчить его участь.

Известным врачом в Петербурге был Владимир Иванович Веретенников. Его брат, Александр Иванович, преподавал латынь в Симбирской гимназии. У него учился Владимир Ильич.

"Самой любимой кузиной" называла А.И.Ульянова-Елизарова Анну Ивановну Веретенникову, которая стала одной из первых в России женщин-врачей. По окончании Высших медицинских курсов в Петербурге Анна Ивановна работала земским врачом в глухих башкирских селах Уфимской губернии, а потом - в Петербурге, в клинике профессора В.Н.Добровольского, писала диссертацию на степень доктора медицины, но преждевременная смерть прервала ее плодотворную деятельность. Она умерла от туберкулеза в возрасте 32 лет. В 1956 году в журнале "Новый мир" опубликованы ее "Записки земского врача".

Младший сын Веретенниковых - Николай Иванович занимался педагогической деятельностью. Он был ровесником и другом детства Ленина и известен как автор воспоминаний и нем и семье Ульяновых.

А.ГОЛОВИНА,
старший научный сотрудник музея-читальни И.Н.Ульянова.
(Газета "Пензенская правда" 10.04.1985 г.)

СУДЬБА ДАЛА ТАК МАЛО РАДОСТИ...

(ИЗ НЕОКОНЧЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ А.А.ВЕРЕТЕННИКОВОЙ)

Жизнь моя близится к концу, который нисколько меня не пугает, я доживаю шестой десяток, я устала... Судьба моя дала так мало радости и много горя, что я не жалею о ней... Оглядываясь на пройденный путь, я нахожу его бесконечно длинным и удивляюсь, как у меня хватило сил идти по нем до сих пор.

В часы особенно любимого мною ночного безмолвия, когда кругом такая невозмутимая тишина, а мне не спится, вздумалось воскресить и передать бумаге те обстоятельства прошлого, которые сохранились в моей памяти...

Жизнь моя самая заурядная и интереса для постороннего человека представлять не может, но детям моим, быть может, будет приятно прочитать мои воспоминания и для них я попытаюсь написать их.

Родилась я в 1833 году в Петербурге, где отец мой А.Д.Бланк был в то время ординатором больницы, состоящей под прокровительством герцога Лейхтенбергского (не помню, как она называлась). Ординаторы дежурили в этой больнице посуточно, у них была своя комната и я помню, когда мне было года три, а брату пять, нас приводили иногда к отцу во время его дежурства и оставляли часа на два-три. Если случалось, что в это время приезжал герцог Максимельян, то мы старались выбежать в коридор, чтобы видеть его. Он всегда разговаривал с нами и ласкал нас.

Отец мой, малоросс по происхождению, окончил курс в Медико-хирургической Академии, служил года три врачом где-то в Смоленской губернии, затем приехал опять в Петербург. Поступил, как сказано, ординатором в больницу и женился на матери моей, Анне Ивановне Грошопф. Деда моего, ее отца, я не знала, он умер еще до замужества матери. Говорят, он был аккуратнейший немец. У меня в памяти сохранился один рассказ о нем, что каждое первое число принимал ложку касторового масла, говоря, что человеческий организм, как и всякую машину, следует обязательно прочищать и не давать засоряться. Силы и здоровья он, говорят, был богатырского; никогда не хворал, не верил никаким докторам и лекарствам. А ежемесячную чистку (человеческой) своей машины начал производить, вероятно, уже в преклонном возрасте. Чем он занимался - я не знаю, жил он постоянно в Петербурге; имел большой многоэтажный дом на Васильевском острове, на 18-й линии по Набережной. Умер лет около семидесяти, оставив жену и семь человек детей, из которых два сына были на службе, а две старшие дочери замужем. Состояния, кроме дома, он, кажется, после

себя не оставил. Бабушку свою я хорошо помню. Звали ее Анна Карловна, урожденная Остедт, родом она была шведка. У нее жила сестра ее Каролина Карловна, в то время уже очень пожилая девица. Ранее она была гувертанткой у Топорниных - богатых помещиков Уфимской губернии; прожила у них двадцать с лишним лет, занимаясь воспитанием их многочисленных дочерей и сыновей... Топорнины были очень богатые люди, они безвыездно жили в своем имении, иногда проводя зиму в губернском городе Уфе, особенно, когда дочери подросли и нужно было вывозить их. Но пришло время поместить сыновей в пажеский корпус и Топорнины приехали в Питер, взяв с собой 20000 рублей. Прожили там шесть месяцев и, как оказалось, не с чем было вернуться домой, нужно было писать управляющему, чтобы выслал денег. Когда воспитание Т(опорниных) - младших было окончено и почти все они были пристроены (кажется, их всех было девять человек), Кар(олина) Кар(ловна) оставила их дом. Переехала в Петербург к сестре - бабушке моей, хотя Анна Петровна Т(опорнина) упрашивала ее остаться в качестве гувернантки (старика Т(опорнина) в живых уже не было). До самой смерти К(аролины) К(арловны) семья Т(опорниных) сохранила к ней глубокое уважение. Все ее члены находились с ней в переписке, обращались к ней за советом и участием во всех важных случаях своей жизни. Я, будучи уже взрослой девушкой, часто слышала лестные отзывы о ней, как от А(нны) П(етровны), так и от дочерей и внучек ее. Говорят, она была хорошо образована. Кроме нее у молодых Т(опорниных) не было учителей и воспитателей, она сама приготовила сыновей для поступления в корпус. Переписывалась она с воспитанниками своими... всегда на французском языке.

С бабушкой моей, своей сестрой, она всегда говорила по-шведски. С раннего детства у меня сохранилось воспоминание, как они возвышали голос, о чем-то спорили и кричали на этом языке, что выходило крайне негармонично, поэтому я в то время думала, что хуже шведского языка нет ничего на свете.

Бабушка моя, должно быть, была очень хороша собой в молодости, я хорошо помню лицо ее лет в шестьдесят от роду, и тогда оно носило следы красоты; держалась она всегда прямо, наружностью и туалетом очень занималась; до самой смерти (умерла она семидесяти лет) она с утра затягивалась в корсет, взбивала волосы, румянилась. Нас, внучат, она любила, но не особенно баловала и ласкала нас. Сестра ее, хотя лет на 10 моложе, казалась старше. Красотой, кажется, не отличалась, роста была очень высокого, лицо ее было серьезно и мы, дети, боялись ее. Впоследствии, когда я была уже большой девушкой, тетка моя, воспитывавшая нас, заставляла нас писать К(аролине) К(арловне), поздравляя ее каждый год с праздником Рождества и Пасхи. Писать обязательно мы должны были по-французски. Когда я была невестой, то К(аролина) К(арловна), помню, написала мне длинное письмо, наполненное советами, и некоторые фразы этого письма до сих пор сохранились в моей памяти, например: "Старайся, чтобы любовь твоего жениха к тебе превратилась в настоящую дружбу. Не делай себе иллюзий верить, что эта

любовь может продолжаться всегда, как это делают многие молодые девушки по неопытности. Старайся сделать домашнюю жизнь приятной своему мужу, это большое искусство женщины". И многие другие в этом роде. В то время бабушки в живых уже не было, а К(аролина) К(арловна) жила в доме у холостого дяди моего К(арла) И(вановича) Г(рошопфа), где и умерла лет семидесяти трех от роду. В конце упомянутого письма К.К. писала, что дядя поздравляет меня и дарит 300 рублей. Письмо это было последнее, которое я от нее получила. Братьев у моей матери было двое - Карл и Густав - и хотя мне было лет пять-шесть, когда я видела их в последний раз, но я живо помню их, особенно К(арла) И(вановича), моего крестного отца, он был высок ростом, лицо его было несколько попорчено оспой. Я его помню всегда почти серьезным, редко улыбающимся, мы, дети, его очень любили, хотя и боялись. Я хорошо помню дом его на Васильевском острове, расположение комнат, цвет обоев, кабинет его. Странное дело - дом этот, где я только часто бывала и гостила по несколько дней, до мельчайших подробностей гораздо живее сохранился в моей памяти, чем дом отца моего на Петербургской стороне, где я жила. Этот дом я совершенно позабыла, помню только, что мы с моста смотрели на пожар Зимнего дворца и что зрелище было великолепное.

Оба дяди мои воспитывались в Петербурге и когда я родилась, то оба уже давно были на службе: Г(устав) И(ванович) директором таможни в Риге, а К(арл) И(ванович) вице-директором в департаменте внешней торговли. Как сейчас вижу его высокую фигуру, когда он с портфелем в руках проходил через залу, отправляясь на доклад к министру. Мы очень любили бывать в его просторном кабинете, осматривать вещи на письменном столе, картины и статуи. Книг у дяди было множество - вдоль всех стен стояли шкафы с книгами и нотами. Дядя был страстный музыкант и отлично играл на скрипке. Скрипок у него было штук восемь; в кабинете стояло несколько столов с футлярами, в которых лежали скрипки. Особенно, я помню, он с нежностью и восторгом говорил об одной своей любимой скрипке, которая стоила очень дорого, и бабушка ворчала, что Карл тратит слишком много денег на скрипки и книги. Впрочем, говорила она это только в его отсутствие. Она, кажется, его несколько побаивалась, смотрела на него с уважением, хотя очень любила его и гордилась им. Он был глава семьи, к матери своей относился с уважением и любовью и я помню, как нежно и почтительно целовал ее руку после обеда или прощаясь. Он никогда женат не был и жил сначала с бабушкой, а по смерти ее с теткой своей К(аролиной) К(арловной). Сестер своих и племянников он очень любил, не мешал нам бегать по огромной белой зале своей и играть в кабинете, но строго запрещал дотрагиваться до своих вещей, в особенности книг и скрипок.

Живо помню я, как иногда в зимние сумерки забирались мы к нему на широкий диван перед горящим камином, и дядя рассказывал нам сказки, которые любил прерывать на самом интересном месте к нашему великому огорчению...

(Копия представлена фондам ленинских музеев Ульяновска сыном А.А.Веретенниковой - Н.И.Веретенниковым 5.07.1937 г. Рукопись воспоминаний хранится в Институте марксизма-ленинизма (г. Москва), их дата неизвестна. Ранее не публиковались).

ИЗ ПОДАТНОГО СОСЛОВИЯ

О своих предках В.И.Ленин знал мало. В анкете при переписи населения (1922 г.) на вопрос о деде написал: "Не знаю".

Даже наиболее сведущий семейный биограф А.И.Ульянова-Елизарова допускала неточности. О своем деде по отцу писала, что он был "мелким чиновником", "служил в каком-то торговом предприятии".

Лишь в 30-е годы заведующий Астраханским городским архивным бюро П.Усачев разыскал ряд документов о семье Ульяновых, встречался со старожилами, помнившими их. Его материалами пользовались впоследствии М.И.Ульянова, работая над публикацией об отце, а также писательница М.Шагинян, создавшая очерк "Предки Ленина".

Разыскан был и дом Ульяновых, в котором родился отец Ленина.

Но до конца 60-х годов родословная Ленина обрывалась на деде Николае Васильевиче Ульянове. Да и о нем известно было только то, что он из астраханских мещан, портной. Родился ли он в Астрахани или приехал откуда, были ли у него родственники в городе - никто не знал.

Только в 1968 г. в Астраханском архиве в "Списках ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний помещичьих крестьян" обнаружили запись: "Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии Сергачской округи села Андросова помещика Степана Михайловича Брехова крестьянин. Отлучился в 1791 году."

Запись эта и перевернула старое представление о месте рождения прадеда Ленина. В Нижегородском архиве найдены документы, прослеживающие три поколения Ульяниных: прапрадед В.И.Ленина - Никита Григорьев Ульянин (1711-1779), прадед Владимира Ильича - Василий Никитич (1733-1770) и дед - Николай Васильевич Ульянов.

Известно, что семья прапрадеда была разлучена. Никита Григорьевич был дворовым человеком помещицы Марфы Семеновны Мякининой. Ей же принадлежал и его младший сын Феофан. Старший сын Никиты Григорьевича - Василий значился дворовым человеком корнета Степана Михайловича Брехова, владельца села Андросова. О детях же Василия Никитича в ревизской сказке говорится так: "У них дочь написанная в последней перед сим ревизии - Катерина...Рожденные после ревизии Самойла, Порфирий, Николай..."

Братья были грамотными людьми: Самойла и Порфирий скрепляли своими подписями различные документы, в том числе ревизские сказки по селу Андросову, и именовались служителями помещиков Бреховых. В 1791 г. в возрасте двадцати одного года Николай Васильевич был отпущен помещиком на оброк. А когда истек срок отлучки, на родину не вернулся. Жил в Астрахани "без письменного вида, в работах по разным людям". За свое раскрепощение Николай Васильевич заплатил разлукой с родными и близкими. Помещики Бреховы не раз еще напоминали о себе: в 1802 г. Николая Ульянова пытались отдать в рекруты. Но всесилие Бреховых было не беспредельным. С 1799 г.Ульянов уже не считался крепостным, был причислен к государственным крестьянам и возврату к бывшему владельцу не подлежал.

В архивном документе того времени, удостоверяющем его личность, значится: "Оный ростом 2 аршина 5 вершков, волосы на голове, усы и борода светло-русые, глаза карие, лицом бел, чист, от роду 30 лет..." Типичный облик великорусского крестьянина. Это же подтверждает и другой документ, хранящийся в Астраханском архиве - перечень лиц мужского пола г.Астрахани для рекрутского набора 1837 г., в котором сообщается, что Николай Васильевич Ульянов и его дети Василий и Илья

- "коренного российского происхождения".

Ульянов сначала поселился в селении Ново-Павловском, в 47 верстах от Астрахани. Позднее, переехав в город и занявшись портняжным ремеслом, Николай Васильевич еще долго платил подати как крестьянин Ново-Павловской слободы.

В 1807 или 1808 гг. Николай Васильевич был приписан к сословию астраханских мещан. Затем, уже как мещанин и житель посада, Николай Васильевич обратился в ремесленную управу, которая официально утвердила его мастером и приписала к цеху портных.

Как писала М. Шагинян: "...Старик Ульянов, женившись на шестом десятке, совсем по-патриарщьи прижил четверых детей, а последнего - как в народе говорят, "поскребыша" - Илью, уже в таком возрасте, когда люди большей частью и не помышляют о детях, - шестидесяти семи лет".

Так и считалось, что Николай Васильевич был старше жены на четверть века. Ошибка эта лежит на совести канцеляристов, которые вели записи подчас очень небрежно. Женился же Ульянов, надо полагать, в 1811 или в начале 1812 года, т.е. когда ему было 42-43 года. Его женой стала дочь бедного астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова - Анна. Ей было 23 года, но это тоже предположительно. Нет на сегодня данных и о том, что ее отец был якобы крещенным калмыком, о чем упоминала М.Шагинян. А.И.Ульянова-Елизарова, думается, справедливо подчеркивала: "По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови, несомненно, имелась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары".

В семье Ульяновых не предавали понятию "национальность" ни малейшего значения. Об этом еще раз писал Д.И.Ульянов в рецензии на роман М.С.Шагинян: "В какую семью на Руси не попала монгольская кровь - если не в период татарского ига, то в последующие века, когда русские жили бок о бок с монгольскими племенами. Особенно в таком полутатарском городе, каким является Астрахань. Нет надобности особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы. Если бы характеристика предков касалась существа дела, например, особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей и пристрастий, тогда бы это было важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша".

Всего в астраханской семье Ульяновых родилось пятеро детей, последним был сын Илья. Нам известно также, что с 30-х годов прошлого века Н.В.Ульянов с женой, детьми и свояченицей Татьяной Алексеевной жил в своем небольшом доме на Косе, по Казачьей улице (ныне ул.Ульяновых) в г.Астрахани.

Илья Николаевич Ульянов, видимо, мало рассказывал о себе. Но один эпизод из раннего детства ему ярко запомнился. В 1925 году Анна Ильинична писала: "Одним из ранних воспоминаний Ильи Николаевича было следующее. Его послали вечером в лавочку купить чаю на пятачок. Дали гривенник. Возвращаясь с покупкой, зажатой в одной ручонке, и со сдачей в другой, мальчик завяз в грязи и так основательно, что не сумел выкарабкаться, не прибегнув к помощи рук, и со сжатыми грязными кулаками стоял довольно долго за входной дверью, не решаясь войти, боясь, что влетит от отца за тот вид, в котором ему придется передать покупку и сдачу".

Сколько было тогда отцу Ленина? Если вспомнить, что Николай Васильевич умер, когда младшему сыну было пять лет, то Илье могло быть самое большее - года четыре-пять.

Умер Н.В.Ульянов во второй половине 1836 г. После смерти кормильца семья осталась почти без средств к существованию. Старший в семье - семнадцатилетний Василий, принял на себя все заботы о матери, сестрах и брате, тетушке Татьяне, которая была крестной матерью самому Василию и Илье. Младшему брату Василий заменил и отца и воспитателя. Анна Ильинична, рассказывая об отце, пишет: "Образованием своим он обязан старшему брату Василию Николаевичу, которому пришлось отложить горячие мечты об учении и поступить на службу, чтобы содержать семью. Но он постарался дать брату то, чего ему не удалось достичь самому, содержал его в гимназии, а затем материально поддерживал и во время учебы в Казанском университете, пока Илья Николаевич, с детства привыкший к труду, не стал содер-

жать себя уроками сам. С большой благодарностью вспоминал всегда Илья Николаевич о брате, вполне заменившем ему отца, и детям говорил, как он обязан брату".

Можно предположить, что Илья ежегодно приезжал в Астрахань на каникулы из Казани. Навещал родных и позднее, а в 1868 или 1869 годах отправил погостить к родственникам в Астрахань жену Марию Александровну с детьми Аней и Сашей. Впоследствии Анна Ильинична вспоминала: "Помню поездку на пароходе, нас двоих старших с матерью из Нижнего в Астрахань, к родным отца. Это было ранней весной, с первыми пароходами, когда мы были в возрасте 3-4 лет. Смутно припоминаю маленький домик, старую бабушку и дядю: припоминаю, что с нами возились как с желанными гостями и, как мать находила, баловали нас чересчур. К этим родным мы ездили только раз..."

Это была первая и последняя встреча Анны Алексеевны с внуками. В октябре 1871 года Анны Алексеевны не стало. Через семь лет, в апреле 1878 года, скончался Василий Николаевич. Видимо, уже после смерти брата приезжала погостить в Симбирск Федосья Николаевна. Анна Ильинична вспоминала ее как "добрую женщину, небольшого роста, с черным платком на голове". Илья Николаевич, а после его смерти Мария Александровна, поддерживали Федосью Николаевну, посылая ей деньги. После кончины старшего брата Федосья перешла жить к племяннику Степану Горшкову, помогая воспитывать детей. Дожила до глубокой старости, умерла в 1908 году.

Мария Николаевна Ульянова вышла замуж за вдовца Николая Захаровича Горшкова. Осенью 1853 года он сильно простудился и умер от горячки в 39 лет. Вся забота о семье легла на плечи Марии Николаевны. Она воспитала и двух пасынков, и двух сыновей - Ивана и Степана. Посильную помощь родственникам до конца своих дней оказывал Василий Ульянов.

О сыновьях Марии Николаевны известно немного. Сын ее Степан Николаевич Горшков, двоюродный брат Владимира Ильича, жил и работал в Астрахани до 1921 года. В его семье доживала свой век тетка Федосья Николаевна, он же заботился о могиле-склепе Ульяновых.

Горшковы не теряли связи с Ульяновыми. В трудное для них время, когда не стало Ильи Николаевиа и был казнен Александр, часто высылали в Симбирск посылки с рыбой. Известно, что в 1916 году, едва оправившись от болезни, Мария Александровна мечтала о поездке по Волге, чтобы заехать в Симбирск, встретиться с астраханскими родственниками. Поездка эта не состоялась. А вот Анна Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров в Астрахани бывали. По семейным преданиям, приехали нежданно, взошли на крыльцо, постучали, но в дом их не пустили. Дома были лишь дети, и они выполняли наказ старших - двери чужым не отворять. Потом долго смеялись Елизаровы: "За чужих приняли".

В 1921 году Степан Горшков поехал в Москву, забрав все документы, подтверждающие родство с Лениным. Мечтал о встрече с Владимиром Ильичем. Но удалось свидеться лишь с Анной Ильиничной и Марией Ильиничной. Владимир Ильич в те дни был болен. Степана Николаевича просили подождать, но он засобирался домой. В дороге заболел и умер.

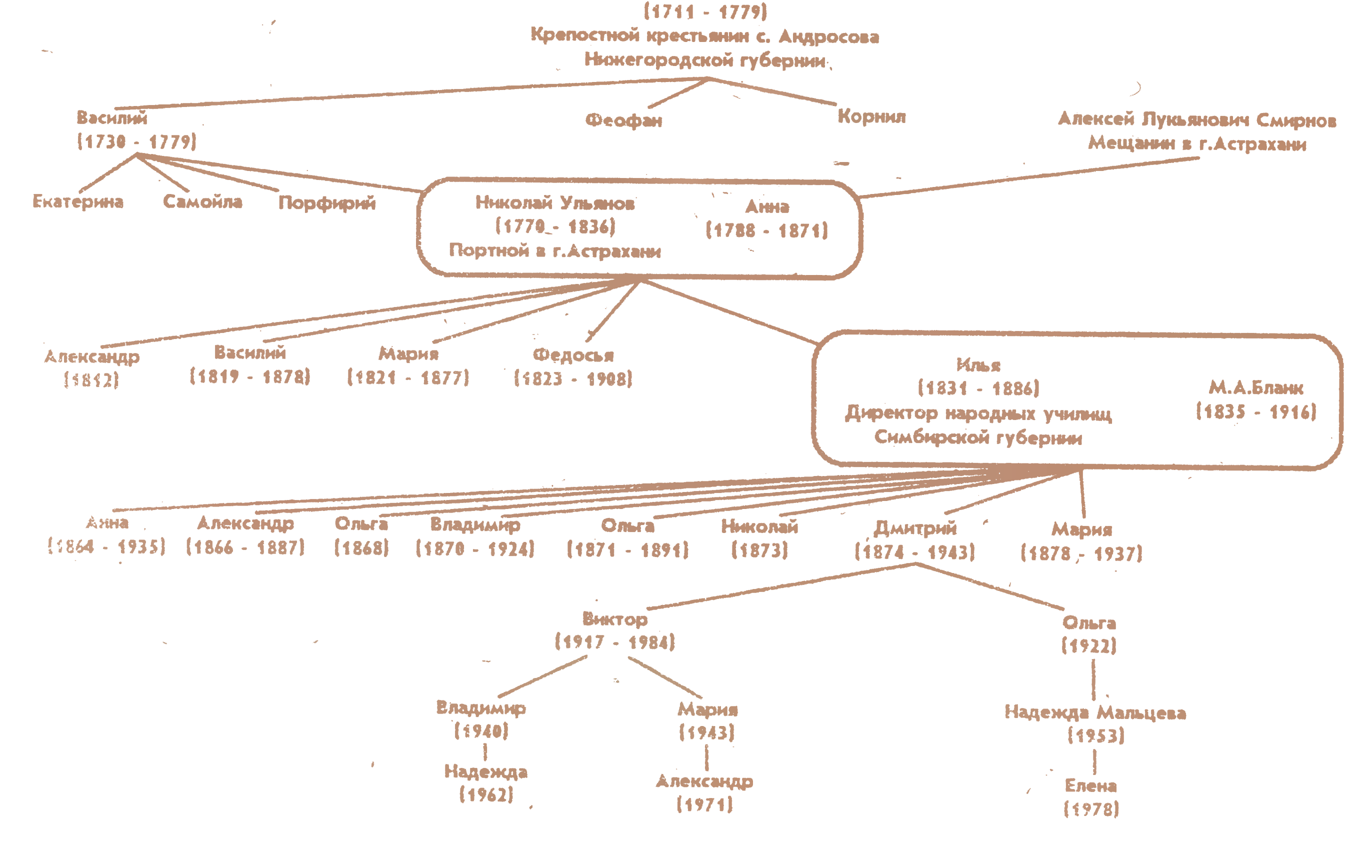
У Степана Николаевича было трое детей - Евгений, Вячеслав и Юлия.

Евгений Горшков, подпоручик артиллерии, погиб в 1915 году при осаде г.Перемышля.

В первую мировую войну был офицером и Вячеслав Горшков, в годы гражданской войны перешел к красным. После войны Горшковы переехали в Москву. Там Вячеслав Степанович поступил в Высшую военную школу связи. Вышел в отставку. Работал инженером на Московской ГЭС. У него были сын Альберт и дочь Надежда. Вячеслав Степанович и Альберт Вячеславович погибли в годы Великой Отечественной войны.

Но о родственниках В.И.Ленина по линии отца известно далеко не все. Поиски документов продолжаются.

А.СИМАКОВА, лектор-экскурсовод Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ (По линии И.Н.Ульянова)
Никита Григорьевич Ульянин
(1711 - 1779)
Крепостной крестьянин с. Андросова
Нижегородской губернии
Василий
(1730 - 1779)
Феофан
Корнил
Алексей Лукьянович Смирнов
Мещанин в г.Астрахани
Екатерина
Самойла
Порфирий
Николай Ульянов
(1770 - 1836)
Портной в г.Астрахани
Анна
(1788 - 1871)
Александр
(1812)
Василий
(1819 - 1878)
Мария
(1821 - 1877)
Федосья
(1823 - 1908)
Илья
(1831 - 1886)
Директор народных училищ
Симбирской губернии
М.А.Бланк
(1835 - 1916)
Анна
(1864 - 1935)
Александр
(1866 - 1887)
Ольга
(1868)
Владимир
(1870 - 1924)
Ольга
(1871 - 1891)
Николай
(1873)
Дмитрий
(1874 - 1943)
Мария
(1878 - 1937)
Виктор
(1917 - 1984)
Ольга
(1922)
Владимир
(1940)
Надежда
(1962)
Мария
(1943)
Александр
(1971)
Надежда Мальцева
(1953)
Елена
(1978)

НА СОЛЯНЫХ ОЗЕРАХ

Василий Ульянов хорошо знал грамоту. Уже с тринадцати лет помогал семье. Он наскоро составлял беднякам прошения и всевозможные челобитные, ставил подписи за неграмотных мещан и крестьян.

Вот запись на 18-м листе ревизской сказки: "К сей сказке государственный крестьянин Степан Кургузов, а по безграмотству его, по личной просьбе, мещанский сын Василий Ульянов руку приложил".

Записей рукой Ульянова было сделано немало. Василий расписывался и за мещанку Авдотью Скоробогатову, и за вдову Елену Федоровну, и за юртовского татарина Вагапа Нуримова...

За подобные услуги мальчику платили копейки, но и они были подспорьем семьи. По записям Василия Ульянова видно, что в тринадцать лет он имел уже поднаторевший канцелярский почерк.

После смерти отца Василий решил найти постоянную работу. И он ее вскоре нашел.

В одном из номеров "Астраханских губернских ведомостей" за 1841 год есть объявление "О созыве на службу". Там, между прочим, говорилось: "Астраханское соляное правление вызывает желающих, знающих грамоту, к занятию должности вахтеров и соляных объездчиков. Жалование таковым назначается в год 57 рублей серебром".

Жалованье небольшое, но Василий становится объездчиком. А куда еще было податься Ульянову? Тяжелая физическая работа была ему не под силу. Рост его был невелик. По свидетельству городской думы, проверявшей здоровье рекрутов, Василий Ульянов "оказался простом 2 аршина 2 3/4 вершка".

А.И.Ульянова-Елизарова писала: "Василий Николаевич Ульянов некоторое время работал соляным объездчиком, а затем приказчиком рыбопромышленной фирмы "Братья Сапожниковы".

Молодые, грамотные и расторопные люди нужны были компании братьев Сапожнико-

вых. Эти астраханские Демидовы владели богатейшими землями и водами. По описи, составленной в 1837 году чиновником Соляного правления, титулярным советником Арефьевым, в Астраханской губернии насчитывалось 711 соляных озер. Продажа соли была монополией государства, но, не имея средств вести разработку на всех озерах, казна передавала части озер для солеразработки частным лицам.

Сапожниковы удерживали первенствующую роль в деле соляных откупов, беря с торгов поставку эльтонской соли в Пензенскую, Симбирскую и другие губернии. Благодаря покровительству губернатора подряды на поставку соли всегда оставались за братьями Сапожниковыми, хотя при торгах ловкие промышленники предоставляли зачастую вместо денег фиктивные имения.

Затем Сапожниковы взяли на откуп Басинские, Дарминские, Курочкинские и Алгаринские озера, разделили степь на участки, посадили в каждом по соляному приставу, дали приставу конную стражу. Конных стражников называли дозорщиками или объездчиками. Среди них был и Василий Ульянов.

Объездчики следили, чтобы бугры добытой соли были определенных размеров: в длину - 20 сажен, в ширину - 4, по гребню - 16, а в высоту - 1 2/3 сажени... Но главное, объездчики наблюдали, не ведется ли воровская добыча соли, не сбывают ли ее подрядчики по дешевке на сторону.

Вновь прибывшим на озера рабочим объездчики выдавали под роспись специальные лопаты для ломки соли. Они были похожи на веяльные. Особыми были и деревянные молотки-колотушки на длинных рукоятях. Ими размалывали соль. Затем ее сгребали в кучи, которые называли копнами. Но прежде ее очищали от сора и прилипшей грязи.

Нередко соляных объездчиков посылали на озера вербовать калмыков из соседних улусов. Тяжки и безжалостны были договоры, которые составлялись от лица соляной конторы. Приведу лишь один из множества хранящихся в Астраханском архиве договоров. В 1838 году десять калмыков Богацехуровского улуса подрядились выломать тридцать тысяч пудов соли на Дарминском озере. В составленном договоре калмыки обязывались: "Выломанную нами соль обязуемся разбивать мелко и промывать как можно чаще рапою, чтобы была она без земли, грязи и дурного запаха, которую потом складывать на озерах в точки и копны до того времени, пока отпечет и просохнет, но если означенная соль ока-

жется в пищу человеческую непригодною, таковую от нас не принимать, а вместо оной мы должны ломать другую..."

Но кто мог поручиться, что труд не будет напрасным? Из соляной конторы приезжали принимать качества соли, когда она уже была сложена в бугры.

Далее в договоре говорилось: "На случай хворости нашей и самой болезни на соляных озерах не принуждать нас пользоваться русскими врачами и врачебными медикаментами, а представлять нам лечение по нашему обычаю, гелюнгам нашим, и до сего положения Соляному правлению дела нет".

Соляное правление контролировало деятельность частных солепромышленников, но оно было бессильно против статей договора. Даже при самой большой смертности на озерах промышленники не в ответе: калмыки не хотели лечиться. Да и на медикаменты расходов никаких.

Часто объездчики сопровождали обозы с харчами и промысловой одеждой, бахилами, поршнями, рукавицами...

Как видно, круг обязанностей объездчиков был очень обширным. Работа доставалась "солоно". Василий Ульянов днями не слезал с седла, мотался по выженной солнцем степи, где истинным наслаждением почитался глоток кумыса.

Но вскоре служебное положение Ульянова изменилось. Сапожниковы произвели Василия Николаевича в соляные приказчики. Приказчики следили за доставкой соли с Басинской и Дарминской пристаней в бертюльские и астраханские оптовые магазины. Они обследовали также надежность дощаников и барок и не допускали к провозке соли негодные суда. Сапожниковы требовали ради быстрой доставки соли больше пользоваться бурлацкой тягой, и в условиях с поставщиками-судовладельцами приказчики выговаривали: на парусах соль не возить.

Кроме того, приказчикам выдавались шнуровые скрепленные книги, где записывался приход и расход соли. Причем Сапожниковы обязывали приказчиков представлять копии с книг в акцизное управление.

Соляная контора Сапожниковых размещалась в самом центре города на Московской улице в нижнем этаже Гостиного двора. Московская улица считалась в то время лучшей в городе.

Т.Г.Шевченко, возвращаясь из ссылки и остановившись в Астрахани, так описывал эту улицу: "Проходя по Московской улице (Невский проспект), у меня начало сглажи-

ваться первое неприятное впечатление. Улица - хоть куда. Дома большею частью трехэтажные, украшенные снизу, как водиться, вывесками, преимущественно голубыми с золотом".

В доме соляного приказчика Василия Ульянова не было роскоши и довольства. А ведь в большинстве случаев приказчик у промышленника - это безотчетный управитель какой-то части предприятия.

Редкий человек в этих условиях оставался великодушным, чистым, благородным. И все же Василий Николаевич сохранил исключительную честность. Ульянов довольствовался положенным ему жалованьем, жил скромно, бережливо.

В Астраханском государственном архиве немало окладных книг и налоговых ведомостей Астраханской городской управы. Здесь часто можно встретить фамилию Василия Ульянова. Каждый год с него регулярно взимались налоги и повинности. И даже учитывались "канцелярские издержки - 62 1/2 коп."

В реестре входящих документов мещанского общества за 1867 год есть такая запись: "Предписание городской думы от 14 февраля за N 1258 о доставлении сведения, числится ли на здешнем мещанине Василии Николаеве Ульянове по мещанской повинности, за какое время и в каком количестве".

К подобным предписаниям городская дума прибегала лишь в том случае, когда чувствовала несостоятельность налогоплательщиков. А ведь, по свидетельству А.И.Ульяновой-Елизаровой, Василий Николаевич "много лет тянул лямку в одном и том же учреждении и отличался большой исполнительностью и добросовестностью".

Имя Василия Ульянова стояло в списке мещан города Астрахани, имеющих право участия в выборах на собраниях мещанского общества. Здесь, среди владельцев лавок, фруктовых садов, рыбных лабазов, значилось имя Ульянова, имевшего из недвижимой собственности единственный дом, доставшийся от отца. Никакой своей собственности Василий Николаевич не приобрел...

Василий Николаевич сыграл огромную роль в жизни отца Ленина - Ильи Николаевича. Лишившись в пятилетнем возрасте отца, Илья Николаевич всецело зависел от своего

Старший брат И.Н.Ульянова - В.Н.Ульянов (дата снимка неизвестна).

старшего брата. Именно ему он обязан своим воспитанием и образованием.

"Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, - писала А.И.Ульянова-Елизарова, - и нам, детям своим, говорил, как он обязан брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому очень хотелось, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что если ему самому учиться не пришлось, он даст образование брату..."

До нас дошла старая фотография, на которой изображен Василий Николаевич. Он сфотографировался, когда уже служил приказчиком. Напомаженные волосы зачесаны на косой пробор. Крутой лоб, худощавое лицо. Под изломом негустых, но темных бровей внимательные, полные энергии глаза. Легкая улыбка блуждает под небольшими усами. Ульянов сидит, откинувшись на спинку стула, скрестив руки на груди. Небрежно повязанный на белоснежной рубашке галстук, модный сюртук и клетчатый жилет придают ему интеллигентный вид. Василий Николаевич был человеком начитанным. Имел полный шкаф книг. На книги он тратил свои последние сбережения. Книги тогда стоили дорого. Эту любовь к книгам он привил и своему младшему брату Илье.

Видимо, с 1867 года Василий Николаевич стал сильно болеть. Он был уже не в состоянии, как прежде, совершать зимой объезд бертюльских соляных магазинов и соляных складов в Басах и Дарме (районы добычи соли в Астраханской губернии - ред.). Зимний дорожный возок стал не нужен, и в 1867 году в N 23 "Астраханского справочного листка" было помещено объявление: "Продается зимний дорожный возок, видеть его и о цене узнать в доме Василия Николаевича Ульянова в 1-части, близ весов, на Косе (район старой Астрахани - ред.)

(Из кн. А.Маркова "Ульяновы в Астрахани".

Нижне-Волжское книжное изд-во, Волгоград. 1983 г.)

Уважаемые друзья!

Сегодня, когда растет интерес к истории Отечества, нам необходима Ваша помощь в пополнении ленинских музеев г.Ульяновска новыми документальными материалами.

Нас интересуют, прежде всего, материалы о родных и близких В.И.Ленина, его соратниках. Это могут быть книги с историческими автографами; прижизненные издания произведений В.И.Ленина; открытки и фотографии, предметы городского и сельского быта, характеризующие симбирскую действительность прошлого века.

Нам хотелось бы шире представить в музейных экспозициях плакаты, периодические издания, фотографии времен трех российских революций, гражданской войны; периодов НЭПа и коллективизации, Великой Отечественной войны и т.д.

Большой интерес представляют материалы делегатов Всесоюзных съездов и конференций, сессий Верховных органов власти СССР и союзных республик; материалы, характеризующие послевоенный период истории нашего государства.

Храня у себя дома старые фотографии, книги, газеты, личные документы, мы порой не представляем их ценности и не всегда можем их сохранить. А между тем - это наша с Вами история.

Полистайте семейные альбомы, домашние архивы и библиотеки, загляните в старые шкафы - вспомните о семейных реликвиях прошлого. Все переданное в музеи будет реставрировано, бережно сохранено и представлено на выставках и в экспозициях.

Ждем Вас с идеями и предложениями по адресу:

432600, г.Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, д.1, Филиал Центрального музея В.И.Ленина, телефон 39-49-76.

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ ПРИГЛАШАЕТ

к творческому сотрудничеству предприятия и учреждения, учебные заведения и общественные организации, самодеятельные коллективы, частных лиц в организации персональных выставок и выставок - продаж произведений искусства, а также экспонирования частных коллекций в музеях.

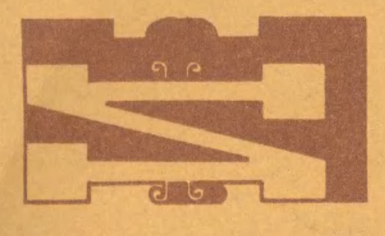
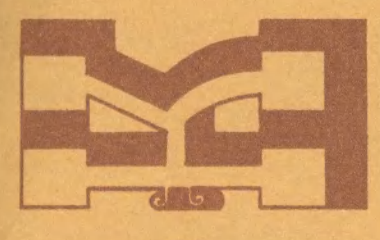
Предложений и пожеланий ждем по телефонам:

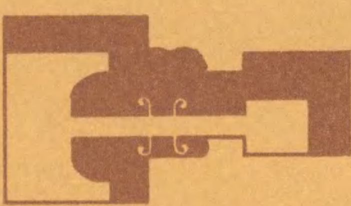
39-49-11,
39-49-76.

* * *

Отпечатано в издательстве "Ульяновская правда",
тираж 30000 экз., заказ N 1374

ПРИГЛАШАЮТ
ЛЕНИНСКИЕ МУЗЕИ
УЛЬЯНОВСКА:

Филиал Центрального музея В.И.Ленина. Действует с 1941 г. С 1970 г. - в здании Ленинского мемориала; площадь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, д.1.

Открыт с 10 до 17-45, выходной - пятница,
т.39-49-41.

Ордена Октябрьской Революции Дом-музей В.И.Ленина. Действует с 1923 г. как историко-революционный, с 1929 г. - мемориально-бытовой музей; ул.Ленина, д.68.

Открыт с 9-00 до 16-45, выходной - вторник,
т.31-22-22.

Квартира-музей В.И.Ленина. Действует с 1970 г., площадь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, д.1в.

Открыт с 9-00 до 16-45, выходной - четверг,
т.39-49-70.

Дом, где родился В.И.Ленин. Действует с 1990 г., площадь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, д.1.

Открыт с 10-00 до 17-45 (по предварительным заявкам), выходной - суббота, воскресенье,
т.39-49-74.

Картинная галерея "В.И.Ленин в изобразительном искусстве". Ул.Л.Толстого, д.51.

Открыт с 10-00 до 17-45, выходной - вторник,
т.31-26-70.